

Зинаида Миркина

ЗЕРНО ПОКОЯ



Зинаида Миркина

Зерно покоя

«ЦГИ Принт»

2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84Р7-5

Миркина З. А.

Зерно покоя / З. А. Миркина — «ЦГИ Принт», 2016

ISBN 978-5-98712-720-9

Зинаида Миркина не пытается понравиться ни эпохе, ни самой себе. Она не драпирует своего лирического героя в одежды, по которым мы узнаем его в толпе других лирических героев. Ни ей, ни Богу не нужно выхлопотанного любой ценой внимания. Слова в ее стихах стремятся как бы сойти на нет, чтобы освободить место чему-то большему, чем любые слова. И мир, выступающий из них, проступающий сквозь них, прежде всего мир природы. Этот мир живет на глубине ее духа так полно, как творение в присутствии Творца. Мир этот не пленяет наше воображение подробностями и деталями, прихотливыми завитками рассеянной мысли, но захватывает своей таинственной целостностью. Книга предназначена широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1-1

ББК 84Р7-5

ISBN 978-5-98712-720-9

© Миркина З. А., 2016

© ЦГИ Принт, 2016

Содержание

Созидание храма	5
Незримое присутствие	9
«Скала крутая посредине вод...»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Зинаида Миркина
Зерно покоя
Избранные стихотворения
в основном 1991–1993 гг.

Созидание храма

Стихи Зинаиды Миркиной – это духовная поэзия в полном смысле этого слова, и наверное потому не всегда и не всеми они воспринимаются как поэзия. Но были же они замечены Борисом Чичибабиным, сказавшим ей:

Не Вы ли нам открыли свет глубин,
Что есть во всех, но лишь немногим ведом,
И озарили тем блаженным светом
Искус и мрак безжизненных годин?

Вслушаемся, взглянемся и мы.

Вот четверостишие, которое уместно прозвучало бы как молитва над телом усопшего:

Да, каждый человек незаменим.
Но он уходит, Господи, уходит...
И пустота, оставленная им,
Есть место Бога в дрогнувшей природе.

Смерть человека – это не естественный акт в природном круговороте веществ, но священный акт возвращения к Богу: Бог сам занимает оставленное умершим место. Природа содрогается не от могучих катаклизмов, но от исчезновения в ней одного живого существа, от нарушения естественного хода событий, в который внезапно вмешался Бог. Эти слова – «дрогнувшая природа» – дорого стоят.

Любая поэзия – это особый мир. Но не так часто и не всякому поэту удается выразить сущность открывающегося ему мира в поэтической формуле:

И предстает моим глазам
Великий Мир – всецелый храм,
Открытый всем вселенский дом,
И я – одна песчинка в нем.
Ничто. Ничтожнее всего,
Но я могу вместить Его.

Стихи Зинаиды Миркиной – устройство храма. Читателю предлагается не катарсис в результате эстетического сопереживания, но соучастие в делании, которое превращает мир в храм Божий.

У всякого настоящего поэта можно найти стихи о поэзии, ибо это стихи о самом главном деле жизни. Таких стихов у Миркиной совсем немного, но тем более они заслуживают цитирования:

Поэзия – не гордый взлет,
а лишь неловкое старанье,
всегда неточный перевод
того бездонного молчанья.

Доминанта в этом понимании поэзии – отказ от самости, от гордыни независимости творчества- последнего соблазна поэта. Однако этот отказ парадоксально совмещается с абсолютной свободой выбора, ибо «молчание» не диктует поэту, что и как выбирать. В молчание нужно вслушиваться изо всех сил: «Что это окутывает душу, тайное пророчит торжество? Мы отговорили. Надо слушать. Замолчать и слушать... Но кого?» Сами рифмы здесь приглушены, и в них тоже надо внимательно вслушиваться. И далее уже в другом стихотворении, звучит молитва-просьба: «... Луч последний лег на сосну. Отпусти меня в тишину... И, не зрима никому, все любимое обниму». Тишина здесь важна не сама по себе, но как некое условие, приуготовливающее человека к единению с самым высшим: «Такая полнота покоя, Такое равновесие сил... И тишина была такою, Что голос Бога доходил Сквозь опрозраченные скалы, Сквозь распахнувшийся простор – и Сердцу Истина предстала Как глазу очертанье гор». Молчание здесь – особое духовное состояние, когда, «миную мысль, минуя разум, от сердца к сердцу весть идет... И появляется свобода, с которой всякий труд – не труд, с которой шествуют по водам и на распятие идут... И если есть еще тревога, она о том, как бы во сне и в мыслях не обидеть Бога, предавшегося в руки мне».

В стихах 3. Миркиной нет никакого психологического «мусора», который так любезен романтикам и модернистам. В них нет болезненной тоски по неданному счастью, недоразделенной любви или недостижимой социальной справедливости. Природное – это только вместилище духовного и, одновременно, образ или даже икона Бога:

И в каждой почке Бог таится.
А где-то в ветках у ручья
Кричит неведомая птица
О тайной связи бытия.

Конкретные связи людей и событий становятся неинтересными в присутствии «тайной связи бытия». Так формулируется программа уже не поэзии, а жизни: «Жить в неведомом месте С лебедой у крыльца, Отрешась от известий И включившись в сердца. Укрепить сквозь пустоты С каждым тайную связь, Отрешась от заботы И в молитву включась». Мир предстает не бытом, хотя бы и романтизированным, и не трагедией, но храмом, который создается здесь и сейчас. Тем самым и природа предстает не как отражение или символ человеческих страстей, но как место богоявления, как указание на пребывание Бога в этом мире: «И никаких чудес и никаких видений, Лишь тишина небес и моря разворот. Но длинные, как жизнь, недвижимые тени, Как тонкие персты, указывают: вот!»

Природа оказывается не только творением Бога, но и Его инструментом для воздействия на людей.

Преодоление языческих верований – идолопоклонства перед природой – привело к известному крену в сторону спиритуализма, отождествившего природное с греховным. Понадобились духовные прозрения Св. Франциска Ассизского и интеллектуальные усилия Св. Фомы Аквината, чтобы утвердить в христианстве значимость всей сферы природного как Божьего дара, а не источника греховных соблазнов. В стихах 3. Миркиной природа выступает как субстанция, через которую на человека воздействуют Божественные энергии. (Эта категория из богословия св. Григория Паламы мне представляется здесь в высшей степени уместной,

ибо Бог не является человеку в Природе, но Божественная энергия может воздействовать на нас через природные объекты, оказывающиеся в этом случае символами Бога.)

В стихах Миркиной в качестве важной семантической единицы ее поэтического мира естественно выделяется лексическое сочетание «свет зари». Этот свет то прижимается к холму, то, одинокий и медленный, «натекает в душу». Вот это как бы распластывание света очень значимо, как символ сокрывшей Бога мглы.

Однако поиски устойчивой семантической структуры, хотя и помогают что-то увидеть в этих стихах, вряд ли приведут к открытию механизма, объясняющего секрет поэзии Миркиной.

Если и пытаться обозначить секрет этой поэзии, то он в одном – молитвенном даре, преобразующем весь житейский и поэтический опыты, не заботящемся о выборе средств самовыражения.

Стихи Миркиной не носят четкого следа конфессиональной принадлежности – они, скорее, общехристианские. Но ведь и духовная поэзия Евангелия принадлежит всем, исповедующим Христа, а псалмы – это общее достояние христиан и адептов иудаизма. Может быть, наиболее прямо исповедание веры автора выражено в этих вот строках:

Царство Его
Не от мира сего.
Сила Его
Не от мира сего.
Здесь – Ему воздух скуп отпущен.
Нет, не всеильный, не всемогущий.
Здесь – задыханья едкая гарь.
Здесь – Он не царь.

Во главу угла здесь поставлены слова Иисуса: «Царство мое не от мира сего» (Иоанн 18; 36), усиленные вплоть до полного отрицания посюсторонней власти Христа. В этом можно увидеть духовную переключку с Н. А. Бердяевым, писавшим, что Бог не управляет миром, а проявляется в нем. Духовная поэзия – это один из путей открытия своей связи с Богом. Судить ее можно лишь исходя из того, в какой мере она помогает читателю осуществлять эту связь. Каждый служит Богу соответственно особенностям своего дара. Поэт – не проповедник, не пастырь и не богослов, от него мы не ждем точных богословских суждений и руководства паствой.

В духовной поэзии главное – точность метафизического видения, которому подчинены все традиционные поэтические средства.

В нашей литературе этот жанр не то чтобы совсем не существовал, но не замечался критикой по вполне понятным причинам. Сегодня о нем можно и нужно говорить вслух. Поэзия Зинаиды Миркиной дает все основания, чтобы этот разговор начать и обозначить встающие при этом проблемы. Первая из них – соотношение духовной поэзии и поэзии как таковой. Права ли Марина Цветаева в том, что чистая поэзия несовместима с духовной? У Зинаиды Миркиной духовная поэзия четко преобладает над чисто поэтическим творчеством, но разве это идет в ущерб последнему?

Вполне естественно, что преодоление страстей и общее очищение, связанное с молитвотворчеством, есть существенное изменение состояния сознания, после которого трудно вернуться в мир страстной поэзии, к эстетизации неподлинной красоты, которая не связана ни с истиной, ни с добром. Однако другое утверждение Цветаевой – о том, что духовная поэзия неминуемо не удовлетворяет требованиям поэтического мастерства или поэзии как чистого искусства, не согласуется с тем, что обнаруживает феномен духовной поэзии Миркиной: ее

внимательное прочтение говорит о том, что эстетические критерии в ней не нарушаются, что автор свободно владеет формой классического русского стиха, тончайшей звукописью, что мы имеет здесь дело с подлинной русской поэзией.

Ю. Шрейдер. Из статьи «Свет глубин».

(Журнал «Литературное обозрение», № 11, 1990 г.)

Незримое присутствие



«Скала крутая посредине вод...»

Скала крутая посредине вод
С внезапно обрывающимся краем...
Огромный замок над водой встает —
Извечно пуст и вечно обитаем.

Незримый шаг впечатался в плато,
Беззвучный голос раздался в просторе,
Огромный замок, где живет Никто,
Тысячелетья висится над морем.

И в замке нет ни одного угла,
Откуда бы хоть раз хозяин вышел,
Но если ты застынешь, как скала,
Ты, может быть, увидишь и услышишь.

Всю глубину вдруг обнажит вода,
Замрет последняя земная нота.
И Он войдет, – вот Тот, что есть всегда, —
Никто, который явственней, чем кто-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.